

Жан Ванье

БОЯЗНЬ ЛЮБВИ

Мир тоски

“Маргинал” — это такой человек, который несет в себе свою сломленность, сломленный образ самого себя, и в каком-то смысле, мы все — маргиналы: в каждом из нас есть сломленный образ самого себя, и мы не очень хорошо знаем, кто мы такие.

Можно говорить, что у каждого есть вечное предназначение, что мы — дети Бога, но между этими словами, даже если мы в них искренне верим, между сознанием, что мы возлюблены Богом и способны к прекрасным поступкам, и нашей повседневной жизнью лежит пропасть.

На самом деле, большинство из нас живут на грани отчаяния или такой тоски, которая препятствует любому порыву и творчеству. Мы храним в себе свой сломленный образ, разрушенный грехом, нашей моральной и духовной бедностью. Я говорю здесь не о бедности в смысле Евангельских Заповедей

Блаженства, а о бедности отчаяния, о бедности, порожденной всеми нашими слабостями и ошибками, недостатком веры в Божие прощение. И это уже не призыв Бога и не наше призвание к любви, а наша сломленность. И мы уже не очень-то знаем, кто мы такие...

Часто мы приобретаем этот болезненный, сломленный образ в первые годы жизни, его источник — те моменты, когда мы чувствовали себя отверженными, когда нас не любили ради нас самих.

Как-то один человек, который понял, что его любят только потому, что он добивается блестящих успехов в учебе, сказал мне: “Я все время должен учиться, даже если мне будет очень плохо, потому что никто не любит меня таким, какой я есть”.

Это большая разница — когда ты чувствуешь, что тебя любят за успехи и должности, и когда любят тебя самого, в глубине твоего сердца. Маленького ребенка просто любят за то, что он такой, как есть, и неважно, кричит он, плачет или смеется ... А жить с ощущением что тебя любят за то, что ты делаешь, а не тебя самого — это ужасно.

Маргинальному человеку кажется, что его невозможно любить, невозможно любить его самого, что он не способен достичь успехов в своей деятельности. Он видит несоответствие между тем, кто он есть и тем, что он делает, и это порождает в нем мир разочарования и тоски, ощущение, что он плохой, чувство отверженности и глубокое отчаяние.

Невозможно оставаться в мире отчаяния, тоска и страдание становятся слишком

сильными, невыносимыми. Наверное, легче умереть, чем переносить эту внутреннюю смерть, которая не дает нам ни есть, ни спать или, наоборот, заставляет нас спать и есть сверх всякой меры, употреблять наркотики и алкоголь, искать любые способы компенсации... Людям, переживающим это, кажется, что они отвратительны, некрасивы в своей слабости, и все взгляды вокруг направлены на них. Это невыносимо!

Из-за того, что невозможно переносить эту тоску и внутреннюю боль, человек может уйти в мир снов и иллюзий, утонуть в душевной болезни, потому что это более комфортно. В продолжительном сне человек конструирует свой собственный мир, в котором он не рискует быть потревоженным. Но когда он сталкивается с реальностью, то видит ад и чувствует полное отвержение, исключенность. Некоторые люди в психиатрических лечебницах живут в мире снов на протяжении многих лет. Если бы с помощью чудодейственного препарата врачи смогли бы вывести больного из его мира и вернуть в реальность, это причинило бы ему еще более острую боль.

Не стоит “исцелять” человека, как если бы он был физически болен, а нужно дать ему возможность жить такой жизнью, в которой он был бы любим и принят, и мог бы любить, работать и жить, осуществляя глубинные потребности своего бытия. Если ради возвращения в реальность такого человека бросить в мир, где он будет осознавать себя омерзительным, лучше оставить его в психозе. Определенные формы душевных болезней могут быть защитой, так, например, агрессивность, которая делает нас жесткими и необузданными, сама по себе — способ избавления от внутренней боли и тоски.

Рука помощи

Чтобы помочь человеку выйти из этого мира тоски и дать ему возможность обрести надежду и радость жизни необходимо, чтобы кто-то протянул ему руку помощи. Ему необходима эта рука, и не только она, но и лицо, взгляд, которые помогли бы ему обнаружить в себе красоту. Ему нужен кто-то, кто сказал бы: “Глубже психоза, глубже всего, что причиняет тебе боль, глубже отчаяния и ненависти, в тебе есть нечто необычайно прекрасное”. Нужно, чтобы чьи-то глаза и руки говорили ему об этом и мало-помалу доказывали ему, что он сам, во всей своей глубине, не отвратителен, что он — цельный и красивый и способен делать прекрасное. Об этом недостаточно сказать один раз, нужно снова и снова повторять и доказывать это, может быть, на протяжении многих лет.

Когда-то я пережил необыкновенный момент. Это было в тюрьме в Гаити во время разговора с очень неудовлетворенными, примитивными и необузданными людьми. Было десять или двенадцать женщин, они сидели в первом ряду, а за ними в большой деревянной клетке с десятков мужчин, которые, наверное, до тюрьмы жили в трущобах и совершили преступление в пьяном виде. Мне выделили место перед ними. Когда я начал говорить, их лица были абсолютно невосприимчивы, ужасно закрыты. Отец Будри переводил с французского на креольский. Я чувствовал себя

отверженным ими, как белый человек, который пришел снаружи, чтобы прочитать им проповедь. Я начал говорить о детях, о том ребенке, который есть в каждом из них и во мне, о жажде этого ребенка по нежности, об образе самого себя, который есть в каждом из нас. В конце я сказал им: “Может быть, никому из вас не удастся выйти отсюда, может быть, вы покинете тюрьму, чтобы вернуться обратно через несколько недель. Может быть, все люди будут отворачиваться от вас. Но я надеюсь, что когда-нибудь мир откроет красоту, которая спрятана в глубине каждого из вас, я надеюсь, что мы воскреснем, и тогда ваша красота раскроется и станет видна всему миру. Потому что вы сами прекрасно знаете, что в глубине сердца каждого из вас, под всеми трещинами и обломками, находится нежный и тихий ребенок”.

В этот момент я увидел, что их лица расслабились, и на них появились улыбки. На какой-то миг между нами была связь, сопричастность, общение. Это мгновение мира очень важно, потому что, возможно, оно вернется в момент смерти и даст им доверие.

Но этого мало для исцеления. Чтобы эти люди могли по-настоящему расти, нужно, чтобы кто-нибудь был с ними день за днем, потому что в детстве у них большую часть времени не было матери, которая показывала бы им всеми своими действиями:

“Плачешь ты или смеешься, ходишь или нет — ты мой ребенок, и я люблю тебя, ты для меня единственный и неповторимый”.

Чтобы восполнить все эти “потерянные годы” нужно, чтобы кто-нибудь постоянно был рядом и повторял: “Ты можешь делать прекрасное. Ты не пленник грусти, тоски, одиночества и смерти, в глубине твоего сердца возможно возрождение”.

Помощь может быть очень опасной...

Помощь может быть чем-то прекрасным, но может нести в себе опасность. Может оказаться так, что человек, протянувший другому руку помощи, окажется неверным или нечестным. Он может сказать: “Я люблю тебя”, но не любить по-настоящему, возможно, потому что он учился любить по книгам или сам внушил себе уверенность, что может говорить это. Дать ложную надежду, протянув руку помощи — это может быть чрезвычайно опасным.

Человек, который несет в себе сломленный образ, который считает себя плохим, “дерьмом”, думает, что в нем нет ничего хорошего, в другой раз уже не осмелится принять помощь, он уже слишком хорошо знает, что если принять ее, начать надеяться, а человек, предложивший ее, окажется трусливым и подлым — тогда все, конец!

На днях я прочитал довольно мучительное стихотворение, написанное заключенным:

Если ты остановишься на улице, чтобы посмотреть на меня,

Если ты подашь мне руку,
И ты испугаешься, когда я приму ее,
Не удивляйся,
Что когда мне протянет руку другой,
Я набью ему морду.

После неудачного опыта ужасно трудно повторить то же самое. Если я один раз доверился, а меня испугались и бросили, и я упал, я больше не стану слушать, когда мне скажут: “Доверься”. Врете вы все!

Однажды в Бельгии я встретился с женщиной, которая хотела сделать доброе дело, но ее помощь была грубо отвергнута. Она сказала мне, что это так ранило ее, что она уже не в состоянии помогать кому-либо. Я объяснил ей, почему случилось так, что на ее попытку помочь ей ответили грубостью. Для людей, которые много страдали, положение, в котором они оказываются, когда им предлагают помощь, подчас может быть невыносимым.

Каждому человеку нужна область защищенности вокруг себя, жизненное пространство, и порой некоторые хорошие люди, как эта дама из Бельгии, хотят проникнуть в это пространство, чтобы помочь. Но сломленный человек этого не выносит, потому что его уже слишком часто пытались “насиловать”, и в ответ на такие попытки он отбивается, кусается, воеет или еще сильнее замыкается в себе.

Некоторые немного наивные люди, которые не испытывали подлинного чувства любви, считают, что любить — это значит успокоить другого человека, дать ему что-нибудь и проникнуть в его сокровенное пространство, ради его же блага. Но что, если другой не хочет никого впускать в это пространство?

Мы должны с необычайным уважением относиться к пространству другого человека. Особенно это касается людей с ранимой психикой. Приближаясь к ним слишком близко и дотрагиваясь до них, мы рискуем сделать так, что они еще сильнее замкнутся в себе или начнут выть и кричать, потому что кто-то пытается насильно вторгнуться в их сокровенное пространство.

... И она должна быть проверена

Нужно проверять человека, который предлагает свою помощь.

Если появляется новый ответственный, то необходимо оценить, насколько хорошо он понимает свою ответственность, кто он такой, и как себя вести с ним. “Что у тебя внутри? В какой мере можно доверять тебе? Действительно ли ты заботаешься обо мне? Сколько у тебя сил и жизненной энергии?”

С еще большей осторожностью нужно испытывать того, кто обладает духовной властью. Когда священник начинает служить, его прихожане должны знать, можно

ли ему доверять. И так в отношении всех людей, обладающих ответственностью. Тем более все это важно для маргинального человека, который внезапно видит протянутую ему руку помощи. “А какие у тебя мотивы? Почему ты хочешь мне помочь? Ради славы или зарплаты, ради собственных интересов? Хочешь доказать себе, что что-то из себя представляешь?”

Почему человек становится тюремным надзирателем? Возможность приказывать людям, которые вынуждены беспрекословно подчиняться каждому твоему жесту, может доставить некоторое ощущение власти, а внутренне бедные люди чувствуют потребность командовать другими, чтобы чувствовать себя значимыми. Конечно, не стоит обобщать, но следует признаться, что так бывает. Приказывать, чтобы чувствовать, что ты есть, а не для того, чтобы помогать другим становиться свободными — это может привести к ужасным последствиям.

Поэтому всем нам, а особенно хрупким и ранимым людям, нельзя подчиняться человеку, не зная, по-настоящему ли он заботится о нас, или же он ищет только собственной власти.

Существуют тысячи способов проверить подлинность отношений, но слабые люди очень быстро чувствуют мотивы другого человека.

Такие люди узнают, как к ним относятся по выражению лица, по интонации голоса, по тому, как им протягивают руку. Через некоторое время интонация, с которой с ними разговаривают, говорит им гораздо больше, чем самим слова.

Помощь — это нечто очень неоднозначное, и мы в Ковчеге постоянно видим это. “Если ты протянул мне руку — это потому, что я болен, и если я приму ее — это докажет, что во мне нет ничего хорошего”. Это ставит перед человеком нерешаемую проблему: что лучше — принять помощь и согласиться, что ты ничего не значишь, или отказаться от нее и очутиться в полном одиночестве? Нужно много смирения и необычайная деликатность, чтобы, предлагая помощь, давать надежду. Нужно, чтобы через твою руку, протянутую другому, передавалась весть: “Это правда, что сегодня ты болен, беден и обделен, но я верю, что ты способен делать прекрасные вещи”.

Это не просто — по-настоящему предлагать помощь, не проще, чем ее принимать. Многие маргинальные люди, да и все мы, испытываем огромный страх перед властью. Власть — это тяжелое бремя, как для того, кто ей обладает, так и для тех, над кем она простирается, особенно если у таких людей в детстве был отрицательный опыт, потому что власть открывает нам нашу зависимость.

Самая плохая власть — это закон без доверия, это получать приказания, не доверяя тому, кем они отдаются. Такая власть ужасна, потому что она разрушает и унижает, потому что она нацелена на прославление командующего, а не на внутренний рост подвластных ему людей. Некоторые люди могли быть так невыносимо задавлены в детстве, что, уже став взрослыми, продолжают бояться любого руководителя. Можно много говорить на эту тему, но мы знаем, что власть и закон всегда должны

осуществляться через любовь, доверие и прощение.

Страх перед жизнью

Какие трудности могут возникнуть перед сломленным человеком на пути к жизни? Мы уже видели, что им овладевают самые различные страхи. Наиболее яркий пример этого — заключенные, которые стремятся освободиться, но оказавшись на воле, чувствуют себя совершенно незащищенными и стараются снова оказаться в тюрьме.

У меня есть друг, который сидит в большой канадской тюрьме за попытку совершить ограбление банка. Его жажда деятельности, сила и агрессивность настолько ценились в небольшом тюремном обществе, что четыреста заключенных выбрали его своим представителем. Понятно, какое ощущение могущества и престижа это может дать внутри тюрьмы. Но когда этого человека выпустили на свободу, он уже не мог найти четыреста человек на улице, которые выбрали бы его своим представителем. Наоборот, в глазах окружающих он стал отверженным, и чтобы снова ощутить власть и жизнь, он был вынужден вернуться в тюрьму.

Заключенный мало-помалу создает вокруг себя привычную сеть отношений. Он знает охранников, кто из них симпатичный, а кто нет, знает их слабые места. Он живет в среде безопасности и защиты, а когда выходит на свободу, теряет все. Человек, который провел десять лет в тюрьме или больнице, находился в мире защищенности, которая позволяла ему жить, даже когда жизнь казалась невыносимой, потому что люди способны переносить невыносимое.

Удивительно, каким образом люди выживают в тюрьмах. Я не знаю как, но они выживают. Они создают вокруг себя сеть привычных вещей, которые позволяют им существовать, а выйдя на свободу, уже не знают, как управлять жизнью.

Человеку, погруженному в мир снов и иллюзий, настолько же трудно выйти из него. Самостоятельно принимая решения, он может чувствовать себя очень незащищенным, и к тому же испытывать страх, порожденный сломленным образом самого себя. Многие люди тем или иным образом переживают это состояние. Мы себя прекрасно чувствуем, когда боолеем гриппом, и кто-нибудь приносит нам завтрак в постель — довольно приятно немного понежиться. Но когда мы поправимся, придется заново готовить себе. Уж лучше болеть! Некоторые люди специально заболевают, чтобы получить свое от окружающих.

То, что происходит с нами, когда мы боолеем обычным гриппом, еще более относится к тем, кто всю жизнь давал возможность другим принимать решения за себя. Тот, кто все время живет с идеей, что он — инвалид, уже не знает, что делать, когда его побуждают стать самостоятельным, и тогда он начинает защищаться изо всех сил, применяя много маленьких уловок и хитростей, которые избавляют его от необходимости что-либо делать, он может остаться в своем маленьком мире, так как это оставляет все на своих местах. И в тот день, когда ему скажут, чтобы сам принимал решения, он может оказаться совершенно беззащитным.

Вот почему разделение на тех, кто помогает, и тех, кому помогают, может быть очень хорошим способом достичь безопасности. Поэтому очень важно внимательным к тому, чтобы не устранить это разделение слишком быстро — это может сильно потревожить и причинить боль некоторым людям, а человек может расти только в той степени, в какой он защищен.

Многие люди, да я думаю, что и все мы, боятся отпустить себя на свободу, боятся жизни, Иисуса Христа. Мы хорошо знаем свой маленький мир, свои привычки, сколько времени нам нужно для сна и т.д. Но что будет, если мы пойдем за Ним и позволим Ему перевернуть все это?

Боязнь любить

Как пережить то, что мы так часто испытываем, — страх любить? Как-то один заключенный из Алабамы сказал мне: “Меня всю жизнь били, и если бы ко мне подошли, чтобы сделать что-нибудь хорошее, это сбило бы меня с толку”.

Мы пугаемся, когда кто-то пытается проникнуть в наше интимное пространство и пробудить разрушенную в нас способность любить. В любви есть своего рода “одержимость”, в том смысле, в каком мать “одержима” своим ребенком, как бы постоянно привязана к нему. И как трудно управлять этой всепоглощающей любовью, которая исходит из глубины нашего существа. Как ее измерять и контролировать, тем более, что она так властно, в хорошем смысле, овладевает нами и выражается в наших глазах, жестах... а в каждом из нас есть целый мир зависимости и неудовлетворенности, ненависти и зависти... потому что любовь открывает нам всю нашу уязвимость.

Но где же тогда наша свобода и самостоятельность? Этот вопрос Сартр ставит в своей книге “Бытие и Ничто”. Для Сартра любовь состоит в поглощении свободы другого. Для него нет мысли тошнотворней, чем возможность соединения двух людей в такой согласии чувств и духа, о котором мы читаем в Деяниях апостолов: “И было у них одно сердце и одна душа”. Очень трудно объяснить это единство между людьми, потому что нет ничего более таинственного, чем оно.

Протягивая кому-то, а особенно маргинальному человеку, руку — мы можем вызвать в его душе самые разные картины и чувства и этим принести ему горе. Чрезвычайно опасно влезать в пространство другого, потому что вместе с этим в его сердце может проникнуть могущество злобы и зависти, и тогда этот человек увидит в себе еще больше плохого, чем раньше. И мы добьемся прямо противоположных результатов — вместо того, чтобы открыть человеку его красивые стороны, помочь ему лучше относиться к себе, мы усилим его ненависть к себе, и это может лишить его всех ориентиров. Если любовь хоть раз лишит человека всех ориентиров, то потом во взаимоотношениях, которые будут не только деловыми, но и личными, он будет испытывать страх перед любовью.

Точно также, если человек, принимающий помощь, ожидает больше, чем ему намерены дать, в его сердце вместо любви возникает ненависть и даже желание

убить любимого человека, который становится для него совершенно невыносимым. Ему будет казаться, что другой хочет обозначить границы взаимоотношений, которые он хотел бы видеть безграничными, и захочется разрушить их. Любовь и ненависть в сердце одновременно. Это самое худшее, что может произойти, это источник всех депрессий. Смесь противоречивых чувств, которые приводят в смятение, и человек уже не знает, как выбраться из всего этого: любить и ненавидеть одновременно, хотеть и не хотеть, искать смерть и пытаться жить... Эти противоречия невыносимы, они погружают в депрессию и пассивность, любая деятельность становится слишком опасной.

Когда мы предлагаем помощь и входим в пространство другого человека, это может возродить лучшее, что в нем есть, но можем вызвать и то, что человеческим сознанием ощущается как самое худшее — ревность. Людям нужно помогать переживать это чувство, которое, впрочем, вполне естественное. Нужно просто быть вместе с ними, пока это чувство не очистится.

Интересно, что ревность — это такая вещь, в которой человек ни за что не сознается. Может быть, потому что бессознательно она связана с убийством. Иногда нужно просто помочь людям признаться в том, что они ревнуют, и понять, что это вполне естественно. Когда рождается любовь — это прекрасно, но часто она сопровождается разными другими чувствами: завистью, ревностью, ненавистью, конфликтом между потребностью зависеть и независимостью... Любовь может стать для человека невыносимой, и никакая помощь не сможет поддержать ему, так как это вызовет слишком много эмоций.

Каждому из нас жизненно необходимо свое сокровенное пространство. Обычно мы знаем свои границы, и знаем, до какого предела можем идти. Поэтому мы должны глубоко уважать пространство другого человека, не стремиться нарушить его и не идти слишком быстро, все это особенно важно, если мы отвечаем за более слабого, раненого человека.

Часто говорят, что Ковчег — это община любви, где нужно много любить, но с такими вещами нужно обращаться деликатно! Несколько раз я видел, как только что прибывшие ассистенты сразу же идут, взявшись за руки, с умственно отсталыми людьми по дороге... Это мило, но может быть, за этим стоит пренебрежение, неуважение к пространству другого. Некоторые умственно отсталые, и вообще, слабые люди могут вымалывать любовь, быть очень чувствительными к прикосновениям, но нужно помочь им найти их собственное пространство... и оно не обязательно находится в ласках... Это может быть лучшим способом, чтобы дезориентировать их.

Итак, нужно помогать другому находить свое собственное пространство и, в то же время, уважать это пространство. Любить человека — это не брать его за руку на дороге, не ласкать его, а помогать ему быть свободнее, помогать ему как можно полнее быть самим собой, открывать его красоту и находить в нем источник жизни.

Можно разрушать, давая, когда любишь только то, что создал сам, когда

подчиняешь другого и делаешь его настолько зависимым, что это приводит к разочарованию и ненависти, или же когда запускаешь в действие весь механизм сексуальности и ревности, который этот человек уже не в состоянии контролировать. Единственный подлинный дар, который можно принести другому — это открыть ему его положительные стороны и, таким образом, доказать, что он способен делать что-то прекрасное.

Боязнь быть любимым

Часто говорят, что все в мире ищут любви — это так и не совсем так. Некоторые люди испытывают такой страх перед любовью, что создают барьеры вокруг себя, отгораживаются от мира, потому что любовь таит в себе опасность, она делает нас уязвимыми. Если нас любили, а потом бросили, мы погружаемся в мир тоски и внутренней боли, нам начинает казаться, что все вокруг смотрят на нас, нас начинает беспокоить, что другие думают о нас. Боль, которую все это причиняет, становится настолько невыносимой, что, в конце концов, человек отворачивается от мира и говорит, что никто уже не будет любить его. Но это делает жизнь еще более невыносимой, потому что невозможно жить без любви. В сердцах некоторых людей может быть такая жажда любви и такой страх любить и быть любимыми, что они оказываются зажатыми в тисках этих противоречий — всепоглощающей жажды любви и непреодолимых страхов.

Боязнь ответственности

Еще может быть страх перед ответственностью. Некоторые люди в тот момент, когда им приходится брать на себя обязательства, смущаются и испытывают панический страх. Это происходит гораздо чаще, чем кажется. Протянуть руку человеку, нуждающемуся в помощи, и помогать ему — значит стать зависимыми друг от друга, а это может вызвать панический страх.

Как-то раз я был на бульваре Сен-Жермен, и ко мне подошла одна женщина и попросила десять франков. Я спросил, зачем они ей, и она ответила, что ей нечего есть. Слово за слово, мы разговорились, и она призналась мне, что у нее не в порядке с нервами. Я сказал ей, что уже заметил это.

Между нами возникла некоторая симпатия. Мы стали ближе друг ко другу и тут же, как мне показалось, испугались этого.

Она, наверное, испугалась, подумав, что я что-то от нее хочу. А я понял, что если сделаю еще один шаг, то уже не смогу уйти и потрачу уйму времени, чтобы выслушать всю ее историю. Я испугался этого.

Иначе говоря, когда рождается взаимное доверие, это может быть опасным, потому что в таком случае ты должен сказать другому: “Я уже не могу тебя бросить, а ты не можешь бросить меня”.

Иногда тоже самое происходит, когда человек приходит в Ковчег и берет на себя какие-то обязательства. Он может испугаться и сказать себе: “Если я останусь, то

потерю свою свободу, Если уйду, то буду несчастен. Что делать?”

Когда мы соглашаемся за что-то отвечать, наступает критический момент, потому что мы всегда сомневаемся, сможем ли мы быть верными взятым на себя обязательствам. Поговорить с маленькой женщиной на бульваре Сен-Жермен — это не значит связать себя обязательствами на всю жизнь, а всего лишь посвятить ей несколько часов, но это тоже некоторая обязанность. Можно и на самом деле испытывать страх перед ответственностью за другого человека: останемся ли мы верными, будем ли мы способны действительно сделать что-нибудь для него? И с другой стороны, можно сознавать свою собственную уязвимость и бояться, что другой не вынесет ответственности за тебя.

Сила и нежность

Есть еще одна вещь, которая примешивается к боязни любить, особенно это касается мужчин. Современная цивилизация учит его, что мужественность заключается в профессиональных успехах и достижениях и идет наперекор привязанности, внимательности и нежности. С самого детства ему говорят, что он должен быть самым лучшим и самым сильным, в то время как такое глубокое чувство как любовь, рождаясь в нем, является посягательством на его мужественность и силу. На этом фоне чуткость и привязанность кажутся такими глупыми и наивными!

Все это происходит от недоверия, страха перед тем, что другой человек может открыть мою бедность, приблизившись ко мне слишком близко, от страха потерять прекрасный образ самого себя (может быть, слишком прекрасный), который был у меня до этого. Уж лучше держать дистанцию, ведь если позволить другому приблизиться ко мне, он может увидеть меня таким, какой я на самом деле.

Прощающая любовь

Любить — значит уважать дистанцию, которую хранит другой человек, уважать его переживания, не “насилуя” его и не стараясь разрушить барьеры, которыми он защищается. И тогда нам откроется необыкновенная тайна любви Иисуса Христа и то, что Он приносит в этот раненый мир, мир, которым являемся мы.

Тот, кто по-настоящему предлагает руку помощи, хорошо знает, что он беден и неспособен хранить верность, знает, как замутнены его мотивы, но он доверяет, что любовь, которую он передает, не “его” любовь, а любовь Иисуса. Вот почему, чтобы быть способным на подлинную любовь и уважение, как росток к дереву, он должен быть привит к Иисусу. Иисус дает нам уверенность, что существует любовь большая, чем наша, и что мы не сами создаем мир открытости и общения, к которому мы стремимся.

Нам всем нужно быть орудиями необычайной нежности и деликатности. И тогда, сознавая, что Иисус любит не наши успехи и компетентность, а нас самих, какие мы есть, со всей нашей бедностью, которую Он знает лучше, чем кто бы то ни было, мы откроем, что мы тоже призваны любить других в их бедности.

Быть может, для этого потребуются годы, но это ли важно! Главное — не выздоровление, а взаимное доверие, возрастание и надежда. Потому что рука, протянутая для помощи, говорит не только: “Я люблю тебя со всей твоей бедностью и малостью”, но также и: “Я верю, что ты можешь расти и делать прекрасные вещи”.

В той мере, в какой мы откроем бесконечное милосердие Иисуса и нежность Его прощения, мы сможем в свою очередь стать орудиями милосердия и прощения для наших братьев. Это прощение — не то, что было когда-то и останется в прошлом, потому что любовь прощает всегда. Милосердная любовь проходит сквозь ошибки другого человека ко встрече с тем, кто он есть на самом деле, с тем человеком, в котором пребывает Святой Дух, потому что каждый из нас — храм Духа Святого.

Укорененность в Иисусе

То, что мы испытываем все эти чувства — ревнуем, завидуем, хотим властвовать и многое другое, — не очень важно, потому что любовь Бога, к Которому мы “привиты”, сильнее. Нам нужно просто принять тьму, которая в нас, и позволить Иисусу очистить нас.

Иисус говорит: “Ты можешь осмелиться полюбить и протянуть руку другому человеку. Может быть, ты наделаешь много глупостей, но не беспокойся. Не бойся, что ты не сможешь быть верным, потому что, в конце концов, это Моя верность будет передаваться через тебя”.

Нам нужно знать, что мы не способны сами по себе хранить верность. Без силы, которую дает нам Иисус, не существует любви, чистой, сильной и настоящей, которая дает подлинную жизнь. Вне Бога любовь всегда становится алчной, она хочет брать и насиловать, искать своего или жаждать всеобщего восхищения... вместо того, чтобы давать жизнь, не от самих себя, а через себя от Иисуса.

Невозможно дать руку слабому, раненому человеку, уважать его страхи и неторопливость его роста, если мы не привиты к Иисусу. Только Он и Дух Святой могут дать нам силу и внутренний мир, которые сделают нашу любовь настоящей, не слюнявой сентиментальностью, что, в той или иной мере, ищет власти и славы, а такой любовью, которая дает жизнь, и через которую сломленный человек сможет открыть, что он сам — тоже источник жизни.

Перевод с французского Дениса Рогачкова